

Панченко Алексей Борисович

**СТАНОВЛЕНИЕ ПРИКЛАДНОЙ ЭТНОЛОГИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОПЫТ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

В статье с использованием методов междисциплинарного историко-политологического анализа описывается взаимосвязь между процессом модернизации Российской империи и зарождением в ней прикладной этнографии. Выделяются два основных актора, заинтересованных в проведении прикладных исследований: правительство и представители промышленного капитала. Отмечается, что в сферу интересов государства в основном входила Центральная Азия, как регион геополитического противостояния с Великобританией, тогда как внимание промышленников было в большей степени направлено на внутренние районы империи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/7-2/36.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(69): в 2-х ч. Ч. 2. С. 138-142. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 39; 325.3

Исторические науки и археология

В статье с использованием методов междисциплинарного историко-политологического анализа описывается взаимосвязь между процессом модернизации Российской империи и зарождением в ней прикладной этнографии. Выделяются два основных актора, заинтересованных в проведении прикладных исследований: правительство и представители промышленного капитала. Отмечается, что в сферу интересов государства в основном входила Центральная Азия, как регион геополитического противостояния с Великобританией, тогда как внимание промышленников было в большей степени направлено на внутренние районы империи.

Ключевые слова и фразы: прикладная этнология; история науки; междисциплинарное исследование; «внутренняя колонизация»; «Большая игра».

Панченко Алексей Борисович, к.и.н.

*Сургутский государственный педагогический университет
alexeyrank@rambler.ru*

СТАНОВЛЕНИЕ ПРИКЛАДНОЙ ЭТНОЛОГИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

История зарождения прикладной этнологии в России, как направления науки о народах, решающего практические задачи с применением этнографических теорий [1; 4], является одной из слабо изученных тем в историографии, что значительно отличается от ситуации в западной науке [4, с. 159-161].

Как правило, становление прикладных исследований в отечественной этнографии связывают с 1920-30-ми гг., когда этнографов начали привлекать в качестве экспертов для решения вопросов национального и культурного строительства [1, с. 67]. О дореволюционном этапе написано гораздо меньше, речь идет только об отдельных сюжетах, которые не дают цельной картины, хотя все они, так или иначе, вписываются в логику модернизации империи, процесс которой активно шел со второй половины XIX в.

Как указывает С. И. Каспэ, в процессе модернизации рождается новый тип империи – колониальный, подразумевающий четкое разграничение между метрополией и зависимыми территориями, в том числе и в системе управления [2, с. 82]. Однако нечеткость таких границ в Российской империи привела к тому, что колониальные практики часто применялись и по отношению к русскому крестьянству Центральной России [16, с. 159-164]. Интересы правительства, как ключевого актора модернизации, требовали специального изучения объектов «внутренней колонизации», что привело к росту числа этнографических исследований.

Например, С. А. Токарев связывал начало прикладных этнографических исследований в России с 1870-ми гг., указывая: «Юридические обычаи и понятия русского крестьянства просто необходимо стало изучать по чисто практическим побуждениям» [14, с. 288].

В. В. Пименов вводил историю зарождения прикладной этнографии в России в контекст общемировых процессов, рассматривая ее как орудие империалистических держав в борьбе за колонии. В качестве примера он приводил деятельность В. Н. Тенишева, стремящегося поставить этнографию на службу господствующему классу, через создание частного этнографического бюро «для сбора сведений, которые должны были подтвердить в приложении к этнографии впервые развитую им концепцию функционализма» [5, с. 5].

Особняком стоит позиция Н. А. Лопуленко, которая, уделив в своей работе значительное место становлению британской и американской прикладной антропологии, вскользь обозначила: «В России прикладные аспекты этнологии/этнографии/антропологии проявились уже с XIX в., – достаточно вспомнить деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая, совершившего научный подвиг не только в качестве ученого-исследователя, но и как защитника изучаемых народов» [4, с. 27].

До настоящего времени мимо внимания исследователей проходил тот факт, что впервые практическое применение теоретических знаний о народах Российской империи было осуществлено в 1820-е гг. – с разработкой М. М. Сперанским «Устава об управлении инородцев», в чем ему немало помог Г. С. Батеньков – будущий декабрист, а на тот момент инженер путей сообщения в Томске. Правление Александра I было временем первой попытки модернизации Российской империи, явившейся ответом на начало формирования европейских наций и потребовавшей изменений в системе управления зависимыми территориями.

М. М. Сперанский и Г. С. Батеньков разделяли мнение, что для наилучшего управления необходимо подробное знакомство с особенностями быта, хозяйства и даже истории подчиненных народов. Поэтому в 1819-1820 гг. ими были собраны значительные статистические материалы по населению Сибири, после чего удалось выдвинуть определенную теорию. При этом, как отмечает В. Д. Юшковский, именно Г. С. Батенькову принадлежит идея опираться на знания о быте и мировоззрении коренных народов, тогда как М. М. Сперанский относился к ним с некоторым презрением [17].

Как пишет Ю. Слезкин: «Разделив страну на три климатические зоны – северную, среднюю и южную, – Батеньков обнаружил, что социальные и экономические условия меняются в зависимости от природных условий» [11, с. 103]. Итогом этого стало деление сибирских народов на три большие группы: оседлые, кочевые и бродячие, а также выделение двух дополнительных категорий (одну из них составили чукчи и алтайцы, находящиеся в зависимости от России и Джунгарского ханства, другую – жители Алеутских и Курильских островов,

а также побережья Северной Америки, подведомственные Российской Американской компании) [7, с. 394]. Также в рамках еще одного документа – «Устава о сибирских киргизах», созданного при участии М. М. Сперанского, была сконструирована еще одна категория инородцев – собственно сибирские киргизы, под которыми понимались казахи Среднего жуза, чей правовой статус был приравнен к кочевым инородцам.

Видно, что единого критерия для классификации сибирских народов не было: первые три группы выделялись по особенностям их быта, тогда как две другие – по принципу их непрямой зависимости от российских властей. Соответственно различались подходы к определению прав и обязанностей этих групп. Если для первой категории они были расписаны достаточно подробно, то для второй констатировалось сохранение *status quo*, хотя и провозглашалась возможность этих народов перейти в разряд «полноценных» подданных.

Для определения прав и обязанностей первых трех групп было проведено исследование, результатом которого стало выделение признаков, отличающих одну группу от другой. И если для оседлых инородцев такой признак был очевиден, то кочевые от бродячих отличались «1) Непостоянством их жительства. 2) Степенью Гражданского образования. 3) Простотою нравов. 4) Особыми обычаями. 5) Образом пропитания. 6) Трудностью взаимных сообщений. 7) Недостатком монеты в обращении. 8) Недостатком способов к сбыванию на месте лова и произведений» [Там же, с. 404]. В дальнейшем построение системы управления инородцами должно было опираться на эти различия, которые, однако, не были непреодолимыми.

По всей видимости, Г. С. Батеньков был знаком с теоретическими построениями А. Р. Ж. Тюрго, Ж. А. Н. Кондорсе и А. Фергюссона, согласно которым общества проходят три последовательных стадии развития: от охотников-рыболовов к скотоводам и далее к земледельцам. Исходя из этого, сибирские народы также постепенно будут повышать свой культурный уровень, переходя от бродячего образа жизни сначала к кочевому, а затем к оседлому. Задачей же властей в данном случае было не стимулировать этот переход насильственными методами, а обеспечить его постепенность и неторопливость.

Именно в «Уставе» впервые было использовано само понятие «инородцы», которое стало одним из ключевых как в теоретической этнографии, так и в практике государственного управления для решения вопросов национальной политики. Тем удивительнее тот факт, что четкого определения ему так и не было дано, и это позволяло толковать его абсолютно произвольно, включая в него то только народы Азиатской России, то вообще все национальности империи, за исключением русских [12].

Таким образом, «Устав об управлении инородцами» стал первой попыткой применить теоретические этнологические знания к практической деятельности, что примерно в то же время осуществляли европейские колониальные державы, также шедшие по пути модернизации. Принципиальным отличием в данном случае было то, что в Российской империи не было специального ведомства, которое бы занималось управлением колониями и зависимыми территориями. Одной из причин этого, по мнению В. Сандерленда, было то, что «в царской администрации, по крайней мере с XVIII века, существовала устойчивая тенденция к созданию однородного государственного пространства, а не к подчеркиванию и распространению территориальных различий» [9, с. 106]. В схожем ключе рассуждает и А. В. Ремнев, говоря, что «Всю первую половину XIX века господствовавшим оставался взгляд на Сибирь как на “запасной край”, земли которого будут востребованы в будущем» [8, с. 155]. В силу этого прикладная этнология не занимала в России такого места, как в прочих колониальных империях, ее принципы применялись ситуативно, в первую очередь на территории Азиатской России. Однако постепенно приходило осознание того, что для успешного развития региона необходимо собственное ведомство, и на рубеже XIX-XX вв. большая часть функций будущего колониального учреждения сосредоточилась в Министерстве государственных имуществ и Переселенческом управлении [9, с. 108].

Существует и противоположная точка зрения, выраженная А. Эткиндо, который, опираясь на понятие «внутренней колонизации», утверждает, что «Ответ на вопрос, почему в России не было Министерства колоний, состоит в том, что такое министерство здесь было, одно или два» [16, с. 240]. И таким министерством, по мнению автора, было Министерство внутренних дел, сотрудники которого считали, что «глубокие, специальные знания о населении – на языке этих интеллектуалов, о народе – должны были помочь власти благотворно действовать на народ в интересах империи» [Там же, с. 241]. Инструментом, при помощи которого чиновники из МВД могли получить знания о населении империи вообще и ее окраин в частности, стало Императорское Русское географическое общество (ИРГО), а точнее – созданное в его составе Отделение этнографии. Как считает А. Эткинд, собранные этнографами сведения о быте народов Российской империи легли в основу практических действий Министерства, причем в отношении населения не только Азиатской России, но и центральных губерний. Соответственно начало институционального оформления прикладной этнологии должно относиться к 1840-50-м гг., когда Отделение этнографии ИРГО начало свою работу.

Однако в действительности изначально деятельность ИРГО была направлена, в первую очередь, на собирание материалов среди русских крестьян (вполне в логике «внутренней колонизации»), либо на те народы, которые находились под угрозой исчезновения и утраты своих традиций. Делалось это, с одной стороны, для того, чтобы приблизиться к пониманию русской народности, а с другой, – для сохранения для потомков информации о существовавшем в империи этническом и культурном многообразии [14, с. 215]. О практическом применении полученных знаний изначально речи не шло, хотя потребность в этом у имперского правительства существовала.

В отличие от историков и политологов, исследователи-этнографы фактически «игнорировали» начальный этап российской прикладной этнологии. Это можно объяснить тем, что ее становление за рубежом прочно связывается с функционалистским направлением в этнографической науке. Тогда как, по словам Т. Д. Соловей: «В методологическом отношении отечественная этнология имела почти исключительно вторичный характер, базируясь на позаимствованном из Западной Европы эволюционизме» [13, с. 30]. Это «отставание» объяснялось автором тем, что развитие западной науки было связано с особым характером

колониальной политики европейских государств, тогда как в России ввиду «сравнительно небольшого (по, сравнению с русскими) удельного веса малых народов, включенных в состав империи, задача их изучения на государственном уровне не ставилась – туземные племена Сибири не могли сколько-нибудь существенно повлиять на политическую стабильность и экономическую ситуацию в империи» [Там же, с. 32]. А далее следовало важное уточнение, которое в должной мере не было осознано самим автором: в Средней Азии и на Дальнем Востоке, в регионе столкновения интересов с Великобританией, этнографические исследования шли гораздо активнее, хоть и носили подчиненный характер. Фактически именно в рамках исследований Центральной Азии и произошло формирование геополитики как одного из направлений прикладной этнологии, связанного с потребностями правительства, как актора процесса модернизации империи.

Несмотря на то, что российское правительство остро нуждалось в квалифицированных специалистах, способных предложить программу практических действий на основе теоретического изучения народов региона, среди этнографов и особенно востоковедов идеи прикладной этнологии не получили широкого распространения. Более того, как отмечает В. Тольц, «с конца 1850-х годов большинство членов факультета восточных языков в Петербургском университете оказывало сильное сопротивление любому давлению со стороны государства и некоторых членов научного сообщества, пытавшихся увеличить практический уклон в учебной программе, что, по мнению правительства, подготовило бы выпускников факультета для службы на Востоке лучше, чем академическое штудирование мертвых языков и древних текстов, превалировавшее в университетских курсах» [15, с. 131]. В силу этого, прикладные исследования были отданы на откуп людям, не имевшим специальной востоковедческой подготовки, в первую очередь военным. Таким образом, к 1860-м гг. в Российской империи сложилась парадоксальная ситуация – в тех регионах, где острая государственная необходимость для прикладных исследований отсутствовала (губернии Европейской России), существовала возможность для их проведения силами профессионалов, там же, где они были необходимы (Центральная Азия), такой возможности не было.

Но помимо имперского правительства действовали и другие акторы модернизации, заинтересованные в проведении прикладных исследований – сибирские торговцы и промышленники, которые обладали достаточными финансовыми возможностями для организации научных экспедиций, итогом которых стали бы конкретные практические рекомендации. В наибольшей степени это проявилось в Иркутске, где проживала значительная часть наиболее успешных сибирских предпринимателей, и было расположено Восточно-Сибирское отделение ИРГО (ВСОИРГО), сотрудники которого стремились к активному изучению региона. Совпадение финансового обеспечения с наличием специалистов, способных к организации как точечных исследований, так и более масштабных экспедиций, привело к развитию прикладной этнологии в регионе.

Можно выделить три основных вектора исследований, осуществляемых сотрудниками ВСОИРГО: изучение быта приисковых рабочих, с целью как улучшения их положения, так и роста производительности труда; определение перспектив развития пограничной торговли в Урянхайском крае (нынешняя Тыва, в то время находилась под протекторатом Цинского Китая); изучение влияния русского освоения Сибири на положение инородцев. Важную роль в деле организации прикладного изучения региона сыграли руководители дел ВСОИРГО Г. Н. Потанин (занимал этот пост в 1887-1890 гг.) и Д. А. Клеменц (в качестве и.о. – с 1890 г., занимал эту должность в 1891-1894 гг.). Хотя в составе ВСОИРГО было мало специалистов-этнографов, к участию в экспедициях привлекались политические ссыльные, многие из которых обладали достаточно высоким уровнем образования, позволявшим им осваивать для себя новые сферы деятельности.

За эти годы сотрудниками ВСОИРГО было совершено несколько экспедиций по Центральной Азии и Забайкалью, но самым крупным научным проектом, организованным Д. А. Клеменцем на средства И. М. Сибирякова, стала так называемая «Сибиряковская экспедиция» в Якутскую область, проходившая на протяжении трех лет – с 1894 г. по 1896 г., участие в которой принимали как политические ссыльные, так и представители имперской администрации и даже местного населения. По задумке И. М. Сибирякова, главной целью экспедиции было «выяснение экономических условий жизни инородцев, окружающих и живущих в приисковом районе Якутской области, желание несколько отплатить соседям за любезно уступленные земли, кода-то бывшие в их полном распоряжении. Поэтому мне важно не только выяснение всякого рода неблагоприятных условий жизни инородцев, но и последствия такого рода выяснений, т.е. различного рода меры, клонящиеся к улучшению условий жизни инородцев, связанных с деятельностью золотопромышленников» [6, с. 159]. Но помимо чисто прикладной цели, в ходе экспедиции были реализованы и чисто научные задачи, например, описан этногенез якутов, изучены некоторые археологические памятники, составлен словарь якутского языка и т.д.

Нельзя сказать, что имперское правительство полностью игнорировало прикладные возможности этнографических исследований в регионах, напрямую не соприкасавшихся с Центральной Азией. Например, якутский губернатор В. Н. Скрипичин использовал результаты Сибиряковской экспедиции при подготовке реформы системы земельных отношений в регионе. В ряде случаев государство привлекало специалистов-этнографов в качестве экспертов для разъяснения тех или иных вопросов, относящихся к инородцам. В первую очередь это относится к двум громким судебным процессам – Мултанскому и Бурханистскому делам.

Мултанское дело стало одним из самых резонансных судебных процессов, связанных с обвинением инородцев в кровавых жертвоприношениях. Согласно обвинению, группа вотяков (удмуртов) в 1892 г. совершила ритуальное убийство русского крестьянина. В качестве эксперта был приглашен профессор казанского университета И. Н. Смирнов, который подтвердил существование практики жертвоприношений у поволжских народов, в том числе и удмуртов. Однако против этой экспертизы выступили как некоторые этнографы, так и общественные деятели и писатели. Первоначально суд вынес обвинительный приговор, который был подтвержден и на вторых слушаньях. Только на третьем разбирательстве обвиняемые были оправданы.

В рамках второго процесса выдвигались обвинения в отношении создателя новой алтайской религии – бурханизма – Чета Челпанова. В качестве эксперта со стороны защиты был приглашен Д. А. Клеменц. По сути, он выступил на этом процессе в защиту мыслящих личностей, стремившихся разорвать догматы прежней веры ради создания принципиально нового учения, гораздо более гуманистического, нежели традиционный шаманизм. И во многом именно благодаря его активной позиции суд в результате вынес оправдательный приговор.

Если в ходе судебных процессов над инородцами правительство прислушивалось к мнению научного общества, то в рамках другого вопроса полностью игнорировало все рекомендации. Речь идет о процессе перевода кочевых народов Сибири и Центральной Азии на оседлый образ жизни. Это происходило в рамках реализации столыпинской аграрной реформы, для осуществления которой у кочевых народов региона изымались земли для передачи их переселенцам из Европейской России. «Получив прямое указание Столыпина, губернская администрация перешла к решительным действиям по его осуществлению. К 1914 г. из 350 тыс. кочевников, числившихся по официальным данным в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской, в категорию оседлых было переведено 233 тыс., в разряде кочевых и бродячих продолжало оставаться около 116 тыс. душ, что составляло примерно 33% всего коренного населения» [10, с. 242].

При этом еще до начала наиболее активной фазы превращения кочевников в оседлых земледельцев, Д. А. Клеменц выступил резко против этого, опубликовав в 1903 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» цикл статей «Заметки о кочевом быте» [3]. В них он обосновал экономическую целесообразность кочевого быта и отметил необходимость сохранения его как особого типа хозяйствования, наиболее подходящего к природным условиям региона. Однако эти практические рекомендации не были услышаны, несмотря на то, что в тот момент Д. А. Клеменц занимал должность заведующего Этнографическим отделом Русского музея, был признанным специалистом по этнографии Сибири и Центральной Азии.

Зарождение прикладной этнологии в России можно отнести к 1820-м гг., когда М. М. Сперанским и Г. С. Батеньковым был разработан «Устав об управлении инородцев», в основу которого легло представление о линейном развитии хозяйства – от охоты и собирательства через скотоводство до земледелия. В дальнейшем именно на эту схему опирались представители имперской власти, вырабатывающие проекты по переводу кочевых народов Сибири и Дальнего Востока на оседлый образ жизни. Привлечение этнографов для решения практических задач носило ситуативный характер, к их мнению зачастую не прислушивались. Но параллельно существовало еще одно направление развития прикладных исследований, поддерживаемое купцами и промышленниками Сибири (в первую очередь иркутскими). В отличие от правительства, они были заинтересованы не в создании обобщенных моделей, позволяющих унифицировать систему управления, а в получении достоверных сведений о народах региона, опираясь на которые они могли бы более эффективно осуществлять свою коммерческую деятельность.

Фактически речь шла о действиях двух акторов внутренней колонизации – правительства и нарождающегося общества. Для первого из них наиболее актуальными были вопросы, связанные с геополитическим противостоянием Британской империи, для их решения использовались как профессиональные военные, так и сотрудники научных обществ. Интересы второго актора были направлены на внутренние районы империи, где пересекались потребности купцов и промышленников иметь точные данные о нуждах народов региона с желанием участников народнического движения изучать их. Поэтому прикладная этнология в России развивалась в двух вариантах: как геополитика и как исследования быта коренных народов Сибири и промышленных рабочих.

Список литературы

1. **Александренков Э. Г.** Прикладная этнография // Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1988. Вып. 2. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / отв. ред. М. В. Крюков, И. Зельнов. С. 65-68.
2. **Каспэ С. И.** Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001. 256 с.
3. **Клеменц Д.** Заметки о кочевом быте // Санкт-Петербургские ведомости. 1903. 30 марта. 13, 15 апреля.
4. **Лопуленко Н. А.** «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» (1990-2011 гг.): аналитический обзор неперриодического издания. М.: ИЭА РАН, 2012. 170 с.
5. **Пименов В. В.** Прикладные аспекты этнографии: тенденции и проблемы // Советская этнография. 1986. № 5. С. 3-12.
6. **Письмо И. М. Сибирякова к Д. А. Клеменцу** // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1916. Т. XLV. С. 157-161.
7. **Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года.** СПб., 1830. Собрание I. Т. XXXVIII. 1354 с.
8. **Ремнев А. В.** Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без Министерства Колоний – русский „Sonderweg“? // Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700-1917): сб. ст. / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 150-181.
9. **Сандерленд В.** Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700-1917): сб. ст. / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 105-149.
10. **Сибирь в составе Российской империи** / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
11. **Слезкин Ю.** Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / авториз. пер. с англ. О. Леонтьевой. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
12. **Слокум Дж. У.** Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М.: Новое издательство, 2005. С. 502-532.
13. **Соловей Т. Д.** От буржуазной этнологии к советской этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М.: ИЭА РАН, 1998. 258 с.
14. **Токарев С. А.** История русской этнографии (дооктябрьский период). М.: Наука, 1966. 453 с.

15. **Тольц В.** «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в поздней имперской и раннесоветский период / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.
16. **Эткинд А.** Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
17. **Юшковский В. Д., М. М. Сперанский и Г. С. Батеньков:** поиски основ сибирских преобразований // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2012. № 2.1. С. 72-79.

FORMATION OF APPLIED ETHNOLOGY IN THE RUSSIAN EMPIRE: EXPERIENCE OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Panchenko Aleksei Borisovich, Ph. D. in History
Surgut State Pedagogical University
alexeypank@rambler.ru

The author, using the methods of interdisciplinary historical and political analysis, describes relationship between the process of the modernization of the Russian Empire and the appearance of applied ethnography in it. The paper singles out two main actors, who were interested in applied research: the government and the representatives of industrial capital. It is noted that the sphere of the state interests mainly included Central Asia as a region of geopolitical confrontation with Britain, while the attention of industrialists was largely paid to the interior regions of the Empire.

Key words and phrases: applied ethnology; history of science; interdisciplinary research; “internal colonization”; “The Great Game”.

УДК 1:7/9

Философские науки

В статье рассматривается понятие «социальный факт», проводится сравнительная характеристика социального факта и естественнонаучного факта, социального факта и гуманитарного факта. Своеобразие социального факта раскрывается через изучение его как онтологического феномена и как эпистемологического конструкта в рамках социального знания. В первом аспекте социальный факт объясняет принципиальную возможность существования и функционирования общества. Во втором аспекте социальный факт понимается как теоретический конструкт, на формирование которого оказывают влияние личностные характеристики ученого и социальный контекст.

Ключевые слова и фразы: социальное знание; социальная реальность; социальный факт; онтология социальных фактов; конструирование социального факта.

Платонова Светлана Ипатовна, д. филос. н., доцент
Ижевская государственная сельскохозяйственная академия
platon-s@bk.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ФАКТА

Одним из важных элементов научного познания является научный факт. Однако если мы поставим задачу определить, что такое научный факт и каковы его особенности, мы столкнемся с рядом затруднений. Первое из них связано с тем, что в философии науки научный факт, его особенности и специфика рассматриваются и анализируются в основном на примерах из области естественных наук, прежде всего физики. Такими примерами являются, например, факты наличия кислорода в атмосферном воздухе, наличия одного электрона у атома водорода, открытия пульсаров и другие.

Значительно меньше исследований, посвященных особенностям научного факта в социально-гуманитарном познании. Что такое социальный факт? Отличается ли социальный факт от естественнонаучного факта? Каковы особенности формирования, функционирования, интерпретации социальных фактов? Эти вопросы остаются не до конца проясненными, хотя многие исследователи пытались понять природу и сущность социального факта. Приходится констатировать, что, несмотря на усиление внимания философов к методологии социально-гуманитарного познания, она по-прежнему носит вторичный, дополнительный характер по сравнению с методологией естествознания.

Второе затруднение относится непосредственно к социально-гуманитарному познанию, является его внутренней проблемой и связано с вопросом разделения социального и гуманитарного факта. Следует ли различать социальный и гуманитарный факты, или мы можем говорить о едином социально-гуманитарном факте? Таким образом, целью нашей статьи является анализ понятия «социальный факт», особенностей формирования и функционирования социального факта, соотношения социального и гуманитарного фактов.

В философской энциклопедии научный факт понимается как «особого рода предложения, фиксирующие эмпирическое знание» [5, с. 157]. Научный факт относят к эмпирическому уровню научного знания. При этом в структуре научного факта выделяются три составных элемента: лингвистический, перцептивный, материально-практический [6, с. 156]. Лингвистическая компонента представляет факт в виде предложения. Например, «молекула воды состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода». Перцептивная компонента подразумевает чувственный образ (образы), включенный в процесс установления факта. Иначе говоря, установление всякого научного факта связано с чувственным восприятием, и перцептивная сторона